

ЛЯМАН БАГИРОВА

Литературные портреты

Сладчайшие меда

*Не надо забывать,
Что переводы
Должны не рознить,
А сближать
Народы...*

Б.Заходер

Когда-то давно, и, кажется, уже совсем в другой жизни, учительница природо-ведения в школе, объясняя нам различие между живой и неживой природой, поведала, что к живой относятся растительные и животные организмы, а к неживой – реки, моря, овраги и камни.

В 3-м классе принимаешь на веру все, что говорит учитель. Немедленно пожалев бедных представителей неживой природы, я тут же представила себе огромное разнообразие камней. Громадных и крохотных, потрескавшихся от старости и гладких, как кожа младенца, излучающих и поглощающих свет, всевозможных форм и расцветок от пенно-белой и нежно-розовой как морская раковина, до темно-серой с ржавыми разводами – цвета печали, цвета вечности. Знала ли я, что почти через сорок лет снова испытаю это чувство соприкосновения с вечностью, бродя мимо серых плит Александро-Невской Лавры?.. Но обо всем по порядку.

Редкий питерский дождь тихо сыпал на покрытый наледью асфальт. Мы стояли перед некрополем Александро-Невской Лавры и ждали экскурсовода. Им оказалась миниатюрная миловидная девушка, и экскурсия началась.

Хорошо поставленным мелодичным голосом она произносила заученные фразы. Маршрут был проложен мимо наиболее примечательных захоронений Лазаревского кладбища – на нем нашли покой многие знаменитые люди 18-го века – Ломоносов, сенатор и писатель А.А.Столыпин, архитектор Андрей Воронихин. И там же похоронена Наталья Николаевна Ланская (в первом браке – Пушкина).

Перейдя через дорогу к монастырю, оказались на Тихвинском кладбище. Его еще называют Некрополем мастеров искусств. Там мы задержались дольше. Какое-то сладостное благоговение наполняло меня, словно заново и с невероятной силой открывался смысл давно знакомых строк В.А.Жуковского, чья могила тоже была здесь:

*Не говори с тоской: их нет,
Но с благодарностию: были*

– А вот могила всем известного поэта-баснописца И.А.Крылова, 250-летие со дня рождения которого мы будем отмечать в 2019 году. Как видите, надгробный памятник представлен в виде пилона из темно-серого камня, на котором высечено имя поэта и даты его жизни. Пилон как форма памятников восходит к древнеримской традиции. А рядом – обратите внимание! – уже другой пилон. Это могила поэта и переводчика Николая Ивановича Гнедича.

Под портретом надпись: *«Гнедичу, обогатившему русскую словесность переводом Омира. Речи из уст его вещей сладчайшие меда лилися»*. О чем же говорит эта надпись?

– О том, что он считался лучшим переводчиком «Илиады» Гомера на русский язык, – тихо сказала я.

– Верно. Как видите из дат жизни и смерти, в 2019 году 13 февраля отмечается 235 со дня его рождения, а умер он в 1833 году 15 февраля в возрасте 49 лет. Ну, а дальше пройдемте к могилам историка Н.М.Карамзина и поэта В.А.Жуковского.

Группа тихо двинулась по шуршащим гравием дорожкам. Я задержалась около памятника Н.И.Гнедичу, вглядываясь в профиль на камне. Дождь усиливался, оставляя по пилону разводы. Словно темно-серые слезы на темном граните. «Помните, не забывайте, не забывайте», – шелестел дождь. Струились слезы по памятнику, бороздили надпись: *«Речи из уст его вещей сладчайшие меда лилися»*. И захотелось вспомнить, ибо память о мертвых – совесть живых...

Родился будущий писатель в Полтаве 13 февраля (2 февраля по старому стилю) 1784 года. Родители его были людьми родовитыми, но очень бедными. Маленький Николай очень рано потерял мать, а потом и сам оказался один на один со смертью. Оспа, прививка от которой еще не были распространены в то время (первую в России противосспенную прививку сделала себе Екатерина 2-я в 1768 году), свирепствовала безжалостно. Большинство тех, кто выживал после этой болезни, оказывались изуродованными. Возможно, поэтому в старину пользовалась популярностью полная форма известной поговорки: *«Пройти огонь и воду, медные трубы, чертовы зубы, Крым и рым»*. Под «чертовыми зубами» подразумевалась болезнь, и большей частью оспа. Именно она оставляла на теле и лице выжившего человека следы-шрамы.

Недуг не только изуродовал лицо будущего поэта и переводчика, но и лишил его правого глаза. Но – видно и впрямь в природе всегда работает закон баланса – обделив в чем-то одним, она воздает сторицей в другом. Гнедича формировали и воспитывали книги и люди, читавшие и почитавшие «чтение доброе». Отец Гнедича завещал полтавской гимназии 1250 томов библиографических изданий, а ректором «словенской семинарии», где учился будущий переводчик «Илиады», был специалист по древним и европейским языкам.

В 1793 году мальчик отправляется на учебу в Полтавскую духовную семинарию, а через пять лет было решено перевести эту школу вместе с учениками в Новомиргород из Полтавы. Узнав об этом, отец Николая, забрал сына из учебного заведения и послал в Харьковский коллегиум. Это была самая лучшая украинская школа в то время. Коллегиум будущий поэт окончил в 1800 году, после чего уехал в Москву и поступил в Гимназию Московского университета в качестве пансионера. Но уже через несколько месяцев юношу за прекрасные успехи в учебе перевели студентом на философский факультет, который он блестяще окончил в 1802 году.

1802-й был знаковым для Гнедича – он впервые увидел плоды своей переводческой деятельности в печати. Это была трагедия «Абюфар» Ж. Дюсиса. В это же время публикуется и собственное произведение 18-летнего писателя – повесть «Мориц, или Жертва мщенья». А через год в свет выходят два перевода из Шиллера (любовь к этому поэту Гнедич пронес через всю жизнь) – роман трагедия «Заговор Фиеско» и «Дон Коррадо де Герера». О молодом переводчике и поэте заговорили как о многообещающем авторе. Но слава, как и любовь, не всегда дружит с деньгами. Их катастрофически не хватало, и планы на дальнейшую учебу были оставлены. В том же 1802 году поэт переезжает в Санкт-Петербург, где определяется на службу в департамент народного просвещения. Там он прослужит до 1817 года.

Все свободное время писатель уделял занятиям театром и литературой и достиг в этой области больших успехов. Глубокий проникновенный голос, огромная начитанность, умение артистично преподнести материал открыли перед Гнедичем двери дворцов графа Строганова и президента Академии художеств А.И.Оленина. Благодаря покровительству последнего (их объединял общий интерес к античному искусству), Гнедич в 1811 году был избран в члены Российской Академии и назначен библиотекарем публичной библиотеки в отделении греческих книг. Улучшилось материальное состояние, появилось больше свободного времени. Гнедич познакомился с Пушкиным, Крыловым, Жуковским, Державиным и некоторыми будущими декабристами. Именно Гнедич оказал влияние на декабристов, искавших в современности образ поэта-героя. Таким он и предстает в речи Гнедича «О назначении поэта»: *«Чтобы владеть с честью словом, должно иметь более мужества, нежели владеть мечом. Поэт не должен отделять любви к славе своей от любви к благу общему».*

Само дело литератора Гнедич определял как подвиг и относился к нему с благоговением: *«Перо пишет, что начертается на сердцах современников и потомства».* А *«...изучение древних, питая и укрепляя разум, облагораживает и душу.. Она растет и возвышается с великими мужами».*

В 1807 году Николай Иванович приступил к главному делу своей жизни – переводу «Илиады» Гомера.

«Сладчайшие меда» поэмы возникли не сразу. Вначале Гнедич стал переводить «Илиаду» александрийским стихом – шестистопным ямбом. Фактически он продолжил дело первого стихотворного переводчика «Илиады» Ермила Кострова. Тот перевел первые шесть песен гомеровской поэмы александрийским стихом. В 1809 году Гнедич издает седьмую часть поэмы в том же размере.

Но уже в 1812 году он отдал предпочтение гекзаметру – незаслуженно забытому шестимерному античному стиху. До этого времени гекзаметр в своих стихах использовал только В.К.Тредиаковский, а его слог был очень трудным. Обращение Гнедича к гекзаметру можно считать своеобразной революцией в переводе. По собственному выражению Николая Ивановича он *«имел смелость отвязать от позорного столба стих Гомера и Вергилия, привязанный к нему Тредиаковским».*

Поэт мужественно уничтожил шестилетний труд, и только в 1829 вышло полное издание «Илиады», переведенное размером подлинника. Публикация вызвала восхищение современников. Пушкин написал о поэме восторженные строки:

*Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи;
Старца великого тень чую смущенной душой.*

Правда, он же затем прошелся по переводу ехидной эпиграммой:

*Крив был Гнедич-поэт, преложитель слепого Гомера,
Боком одним с образцом схож и его перевод.*

И тем не менее, Пушкин оставался одним из самых горячих почитателей перевода Гнедича.

Современному человеку трудно представить, с какими сложностями имел дело новый переводчик «Илиады». Вот только один из примеров, доказывающий, в каком мучительном поиске пребывал переводчик. Ахилл у Гнедича говорит об Агамемноне «псообразный». А.Н.Оленин считал, что это слово надо перевести как «песоокий», а еще был вариант «песьевзорый».

Перевод был окончен в 1826 году. Василий Андреевич Жуковский, которого все характеризовали, как добрейшей души человека, написал Гнедичу искренние заботливые строки: *«Поздравляю с завершением великого подвига жизни. Вот мой совет: не спеши являться с трудом своим в свет».*

Гнедич так и поступил – опубликовал поэму лишь спустя три года, а до той поры тщательно перечитывал и поправлял. И успех превзошел ожидания многих, а лучше всех, пожалуй, высказался критик Белинский: *«постигнуть дух, божественную простоту и пластическую красоту древних греков было суждено на Руси пока только одному Гнедичу».*

Помимо переводческой деятельности, Николай Иванович был известен и оригинальными произведениями. Лучшим из них считается стихотворение «Рыбаки». Именно в нем дается изумительное и очень лиричное описание белых ночей. Это описание цитировал Пушкин в примечании к «Евгению Онегину»:

*Вот вечер, но сумрак за ним не слетает на землю;
Вот ночь, а светла синевою одетая дальность:
Без звезд и без месяца небо ночное сияет,
И пурпур заката сливается с золотом востока;
Как будто денница за вечером следом выводит
Румяное утро.*

«Сердце человеческое не умирает и не изменяется, ибо сердце не принадлежит ни нации, ни стране, но всем общее; оно и прежде билось теми же чувствами, кипело теми же страстями», – писал Гнедич в предисловии к своему переводу «Илиады». Трудно найти строки лучше, тоньше и проникновеннее характеризующие самого Николая Ивановича, чем эти. Сердце человеческое не умирает и не изменяется. Но смертна его оболочка...

Болезни, начавшиеся еще в детстве, не оставляли его. Писатель несколько раз ездил лечиться на минеральные воды Кавказа. Это помогало лишь на время. В 1830 году недуги обострились с новой силой, прибавилась еще и боль в горле. Лечение в Москве искусственными минеральными водами не принесло облегчения. 15 февраля 1833 года, через два дня после своего рождения, Гнедич умер от осложнений гриппа в возрасте 49 лет. Семьи у него не было – единственной страстью его были литература, театр и книги.

«Нет, весь я не умру – / Душа в заветной лире / Мой прах переживет / И тленья убежит», – восклицал великий современник Гнедича. Глядя на скромный серый камень в Некрополе искусств, щедро омытый слезами дождя, хотелось в это верить. У меня не было в руках цветов, а очень хотелось положить их к подножию памятника человеку, «обогатившему русскую словесность переводом Омира». Возможно, его дух примет это маленькое эссе как благодарную дань памяти. Ведь все мы живы, пока о нас помнят. Или хотя бы вспоминают...

Насмешливое счастье

Яркими звездами вспыхивают воспоминания. Стопка глянцевого, вкусно пахнущих открыток на нянином столе. Няня аккуратно надписывает одну за другой. Приятельниц у неё много, и всем к Новому году надо отправить по открытке – крохотный трогательный символ тепла и дружбы, увы, канувший в прошлое. Сейчас уже не рассылают открыток друг другу...

Я выбираю осторожно одну. На темно-синем фоне, яркая, аж горят глаза, золотая Жар-птица. Ее держит в руках улыбающийся Иван-царевич (так во всяком случае мне кажется), а маленький конь под ним летит по синему гляцевому небу.

– Я тоже такую хочу! – кричу я. Еще бы! От ослепительной Жар-птицы дух захватывает.

– Такую поймать легко, а удержать трудно, – усмехается няня. – На то и Жар-птица. Не каждому такая под силу. Она как насмешливое счастье, – добавляет она тихо.

Я не верю нянинным словам, да и не очень понимаю их. Разве может быть насмешливым счастье? Может...

Кажется, философу Розанову принадлежит интересное высказывание о том, что каждый человек в определенном возрасте оказывается словно наведенным на фокус: контуры личности совпадают с контурами лица – это и есть человек настоящий. Считается, что Чехов сфокусировался к сорока годам, Ахматова тоже в среднем возрасте, Блок в молодости, Достоевский в последние годы жизни.

Судьба моего нынешнего героя так отчаянно не совпадала с его внешностью, что рождала особое чувство – гармонию дисгармонии. Но, как ни странно, именно в этом портрете он был наведен на фокус – душа и наружность совпали. Наверно, он сам понимал это, поэтому написал шуточные стихи к собственному портрету работы художника Знаменского:

*Не дивитесь, друзья,
Что так толст и весел я:
Это – плод моей борьбы
С лапой давящей судьбы;
На гнетущий жизни крест
Это – честный мой протест.*

Стихи были веселыми и горько-правдивыми. Жизнь подвергала его все новым и новым испытаниям, он преодолевал их мужественно. «Это службишка не служба, служба будет впереди», – беззаботно написал он в 19 лет, конечно же, не подозревая, насколько эти строки окажутся пророческими. Или это была просто плата за талант, за великую славу его бессмертного «Конька-Горбунка»?

Да, герой моего нынешнего эссе – Петр Павлович Ершов, русский поэт, прозаик, драматург, известный только первым своим произведением – «Коньком-Горбунком». Повторить успеха юности не получится...

«Петр» означает камень. Первенца своего мелкий полицейский чиновник Павел Алексеевич Ершов назвал, конечно, в честь апостола Петра. Но иное имя вряд ли подошло бы будущему писателю. Чтобы выстоять во всех жизненных передрыгах, нужно было каменное терпение.

Петр Павлович Ершов родился 22 февраля (6 марта) 1815 года в деревне Безруково Ишимского уезда Тобольской губернии. Из 12 детей Павла Алексеевича Ершова и тобольской купеческой дочери Евфимии Васильевны выжили лишь двое – Петр и Николай.

Братья были нежно привязаны друг к другу, родители души в них не чаяли. И все было бы хорошо, если бы не эпилептические припадки маленького Петра. Измученная страхом мать уговорила мужа провести мистический обряд, который в Сибири назывался «продать ребенка». Суть его была в следующем: больного ребенка подносили к окну, под которым случайно оказывался нищий. Ему и «продавали» ребенка, спрашивая: «За сколько возьмете?». Ответ был простой и один и тот же: «Грош!».

Люди верили, что после этого обряда силы и здоровье возвратятся к больному ребенку. Так и сделали. Маленького Петра «продали» за грош нищему, после чего здоровье на какое-то время и впрямь вернулось к мальчику.

Через много лет Петр Павлович будет мрачно шутить об этой истории и говорить о том, что ему доподлинно известна своя цена – грош!

В 1824 году родители определили Петра и его брата в Тобольскую гимназию. Мальчики жили в семье родственников матери, а когда окончили гимназию, отец переехал в Петербург, где братья поступили в Императорский Санкт-Петербургский университет. В 1831–1835 годах Петр учился на историко-филологическом факультете университета.

И вот тут и случился блистательный подарок судьбы, пообещавший яркое будущее.

В начале 1834 года он представил профессору словесности П.А.Плетневу в качестве курсовой работы первую часть сказки «Конек-Горбунок». Педагог во время одной из лекций прочитал с университетской кафедры отрывок из «Конька-горбунка» и назвал студентам автора сказки — их сокурсника Петра Ершова, сидевшего в аудитории. В том же 1834 году отдельным изданием вышла вся «русская сказка в трех частях».

Триумф был невероятным. Автору прочили громкую славу. Еще бы! «Конька-Горбунка» прочитал и высоко оценил сам Пушкин:

– Теперь этот род сочинений можно мне и оставить, – восторженно поблагодарил он 19-летнего автора.

Правда, успех никогда не появляется без своей сестры – зависти. И вот уже появилось малодостовверное известие литературного критика Павла Анненкова о том, что первые четыре строки сказки принадлежат Пушкину. А потом и вовсе пошел слух, что сказку написал вовсе не юный, никому не известный сибиряк Петр Ершов, а Пушкин. Мол, пожалел бедного студента и разрешил ему напечатать «Конька-Горбунка» под своим именем... Но, как бы там ни было, сказка Ершова мгновенно пошла в народ и вызвала к жизни множество подражаний и подделок. В 1870–1890-х годах вышло около 40 поддельных «Коньков-Горбунков» общим тиражом около 350 тыс. экземпляров!

После успеха «Конька-Горбунка» Петр Ершов стал вхож в литературные круги столицы, общался с Пушкиным, Жуковским, В.Г.Бенедиктовым, публиковал лирические стихотворения. Всего за этот период в печати (в основном в «Библиотеке для чтения») появилось 10 его стихотворений.

Удача сопутствовала молодому поэту: в декабре того же 1834 года к печати была одобрена первая часть его поэмы «Сибирский казак», а затем и вторая часть этой «старинной были». Слог Ершова был прост и звонок, завораживал своей легкостью. Казалось бы, все складывается хорошо. Он и сам потом вспоминал о тех временах:

*Я счастлив был. Любовь вплела
В венок мой нити золотые,
И жизнь с поэзией слила
Свои движения живые.*

Были задуманы несколько исторических поэм, драматических и прозаических произведений. Кстати, любопытно, что один из героев повести «Панин бугор», влюбленный романтик, носил фамилию Сталин. Скорее всего поэтому оно было опубликовано только в 1984 году.

Но... Как часто в жизнь вторгается беспощадное «но». Многие замыслы так и не были осуществлены, а «Конек-горбунок» стал лебединой песней Петра Ершова. Буквально сразу, в том же 1834 году, после молниеносного успеха на автора, словно из ящика Пандоры, стали сыпаться несчастья.

Отца Петр схоронил в 1833 году, а в 1834 году внезапная смерть уносит любимого брата поэта – Николая.

*Но вдруг вокруг меня завывала
Напастей буря, и с чела
Венок прекрасный сорвала
И цвет за цветом разронила.
Все, что любил, я схоронил
Во мраке двух родных могил...*

Окончание университета и новые проблемы. Молодой сибиряк не смог получить желаемую должность, приходилось расставаться с друзьями, порывать с литературной средой, в которую успел уже вжиться.

Прощание с Петербургом стало болезненным: многое здесь стало дорогим, а с другой стороны, Ершова манила родная Сибирь, он называл ее «северной красавицей», мечтал об исследовании этого края.

*В последний раз передо мною
Горишь ты, невская заря!
В последний раз в тоске глубокой
Я твой приветствую восход:
На небе родины далекой
Меня другое солнце ждет.*

(«Прощание с Петербургом», 1835)

Возвращение в Тобольск тоже не стало отрадным. В декабре 1836 года Ершов писал университетскому другу В.Треборну: «С самого моего сюда приезда, т. е. почти пять месяцев, я не только не мог порядочно ничем заниматься, но не имел ни одной минуты веселой. Хожу, как угорелый, из угла в угол и едва не закуриваюсь табаком и сигарами... Читать теперь совсем нет охоты, да и нечего... Ко всему этому присоедини еще мое внутреннее недовольство всем, что я ни сделал, что я ни думаю делать... Скоро 22 года; назади – ничего; впереди... Незавидная участь!..»

Только Петр начал привыкать к жизни в Тобольске, увлекся работой в гимназии, планируя изучение жизни местных народностей, издание журнала и др., как новое горе: в апреле 1838 года скончалась мать. Поэта охватило отчаяние, друзьям он пишет, что схоронил «последнюю из родных». Ему было 23 года.

*Рвется грудь моя тоскою,
И в страданиях немых
Поэтической слезою
Тихо катится мой стих.*

А дальше словно ком с горы. Проблески радости и бесконечное горе...

Через несколько месяцев после похорон матери Ершов встречает С.А.Лещеву – молодую вдову с четырьмя детьми – и влюбляется в нее. Забрехжило счастье.

*Домашний кров, один или два друга,
Поэзия – мена простых затей.
А тут любовь – прекрасная подруга,
И вокруг нее веселый круг детей.*

Только дома он был поистине счастлив. *«Известность известностью, а долг обеспечить тех людей, которых судьба поручила мне и которые для меня милы, также что-нибудь да значит»* (из письма к В.Треборну). Он искренне привязывается к детям своей жены. Рождаются и общие дети – две дочери.

В 25 лет Ершов хоронит свою первую дочь, через год – вторую дочь, а еще через год – жену. В 30 лет Петр Павлович – вдовец с четырьмя детьми на руках.

Через полтора года он женится снова – на О.В.Кузьминой, но и эта семейная жизнь была недолгой: в 1852 году она умирает.

Горе преследовало его неотступно: из 15 детей при рождении выжило только 6, а в 1856 году он сообщает друзьям: *«На одной неделе я имел несчастье похоронить сына и дочь – моих любимцев... Ум мой теперь весь в сердце, а сердце – на могиле детей»*.

Петр Павлович женится в третий раз, и лишь третья жена будет рядом до конца жизни.

Не было отрады и в литературе. Ошеломляющий «Конек-Горбунок» сверкнул как комета на темном небе творчества. Порой Петру Павловичу казалось, что задорная, искрящаяся счастьем сказка была лишь авансом за последующие удары судьбы.

Характер Ершова меняется – он становится раздражительным и замкнутым. В 1857 году его назначают директором тобольской гимназии, где учеником его станет будущий великий химик Дмитрий Менделеев. Потом Ершова назначают директором народных училищ губернии. Но все это приносит мало утешения. Он постоянно раздирался между творческими исканиями, переставшими радовать, и заботами повседневной рутины.

«Мой гений-хранитель, подай мне терпенье / Иль пламень небесный во мне потуши!» Были времена, когда он вообще хотел отказаться от художественного творчества. В письме к другу 14 апреля 1844 года поэт высказал горькую мысль: *«Была пора, когда и я увлекался чем-то похожим на вдохновение. А теперь я принадлежу, или по крайней мере скоро буду принадлежать к числу тех черствых душ, которые книги считают препровождением времени от скуки, а музыку заключают в марши и танцы...»*

*Не лучше ль менее известным,
А более полезным быть.*

В сибирские годы Петр Павлович пишет очень немного и, увы, безуспешно. С 1837 года до конца его жизни в печати появилось 28 его новых стихотворений, в т.ч. отклик на смерть Пушкина. Пробует себя Ершов и в прозе и драматургии. Но публикация цикла рассказов «Осенние вечера» и пьесы «Купец Базим или Изворотливость бедняка» прошла незамеченной.

Судьба снова и снова проверяла Камень на прочность. Или усмехалась за ранний успех...

Замысел поэмы «Иван-царевич» в 10 томах и 100 песнях остался неосуществленным.

В 1858 году происходит чудо: Ершова отправляют на целый месяц в служебную командировку в Петербург. Он полон трепетных надежд – а вдруг фортуна вспомнит о нем?..

Чуда не случилось. Прежние знакомые или умерли, или напрочь забыли о нем.

Одиноким бродил он по петербургским улицам и вздыхал – все прошло, все... Чужие огни чужого города. В дневнике Петр Павлович запишет:

«Отвыкнув от многолюдства, я с каким-то невольным удивлением гляжу на эти толпы, которые снуют взад и вперед по всем улицам, особенно по Невскому проспекту».

В самых удрученных чувствах он возвращается в Тобольск. Да, он напишет в письме к одному из друзей, что его *«родной Тобольск в тысячу раз милее»* Петербурга. Но мрачное мироощущение не покинет его уже до конца жизни.

В 1862 году он подает в отставку. Ничто не могло заставить его переменить решение: ни почетная должность, ни солидное жалование и казенная квартира. Он жаждет *«только спокойствия и укрытия от известности»*, причем жаждет настолько сильно, что на несколько лет даже прерывает переписку с университетскими друзьями. Только в музыке еще ищет он утешения, только музыку вместе с поэзией называет *«двумя сестрами одной матери»* и видит в ней таинственность и глубину. *«Ершов охотно пускался со мною в разговоры о музыке, и сам стал заниматься изучением игры на флейте»*, – писал его университетский друг А.Ярославцов.

Материальные трудности, последовавшие за отставкой? О, да, несомненно! Но независимость и честность всегда были дороже ему. «Честным остался он до гроба, простирая честность даже до суровости. Так, кто-то из родственников вздумал подарить одной из его дочерей шелковой материи на платье. Смутился Ершов и сказал: *«Прошу вас избавить меня навсегда от таких подарков: дети мои могут носить только такое платье, какое я в силах им сделать!»* – вспоминали современники писателя.

Ящик Пандоры все еще был открыт. В 50 лет Ершов тяжело заболел и только благодаря заботам Дмитрия Менделеева наконец-то получил пенсию – 1080 рублей в год.

В 1864 году доходит весть о постановке в Петербурге балета «Конек-горбунок». Премьера прошла с потрясающим успехом. Но автор уже был спокоен к этому. Былое отходило от него и, как видно, навсегда. Только за три года до смерти прежняя жажда жизни всколыхнулась в нем. Он жаждал живого общения, писал в 1866 году другу: *«Может быть, изобретательный ум придумает какой-нибудь далеко-слышный рупор, и тогда я буду день и ночь разговаривать с вами»* (Словно предвидел наше время!).

Но... Все тише становился гул жизни, все уже круг общения поэта. Последние годы своей жизни он провел в окружении семейства, уединившись от всех, полностью уйдя в религию. Водяная болезнь ускорила развязку страданий. 18 августа 1869 года Петр Павлович Ершов «тихо и спокойно скончался». Похоронен был на Завальном кладбище Тобольска неподалеку от могилы декабриста и поэта Вильгельма Кюхельбекера. Надпись на памятнике гласит: *«Петр Павлович Ершов, автор народной сказки «Конек-Горбунок»*.

Полное собрание сочинений Петра Павловича было издано только в 2005 году. Славы блистательного «Конька» не повторило ничто. И все же

*...кто светлыми мечтами
Волшебный мир в душе своей явил,
Согрел его и чувством, и страстями
И мыслию высокой оживил...*

тот тысячу раз более достоин благодарной памяти потомков, чем изобретатели самого совершенного оружия и средств массового поражения. Ибо их дар служит Благу, а не Злу.

Прим. При написании эссе были использованы материалы из Интернета, книги воспоминаний о П.П.Ершове (Петр Павлович Ершов, автор сказки «Конек-горбунок». Биографические воспоминания университетского товарища его, А. К. Ярославцова. – Спб., 1872.)